

С. Л. ФИРСОВ

Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева

Имя Константина Петровича Победоносцева в последние годы стало все чаще появляться на страницах отечественных исторических изданий. Не только и (увы!) не столько историки, сколько публицисты и журналисты пытаются по-иному, чем это было принято в Советские годы, взглянуть на жизнь, деятельность и литературное наследие этого незаурядного человека. Очень часто при этом старый «минус» легко превращается в новый «плюс», а критика — в апологетику. Это можно понять, но с этим трудно согласиться.

В самом деле, как избежать серьезных «перегибов» при исторической «переоценке» такого крупного государственного мужа, каким был Победоносцев? Разумеется, избежать «перегибов» не удастся. И дело все-таки не в них. Думается, что еще не настало время для окончательных оценок (если таковые вообще можно будет когда-либо дать). Видимо, изучая человека в контексте его времени, мы сможем понять гораздо больше и лучше как самого человека, так и то время, в котором он жил, чем просто исследуя его деятельность и (попутно) отделяваясь несколькими словами по поводу «исторической обусловленности» тех или иных его поступков и решений.

Время оказывает на человека, как известно, решающее влияние — оно формирует среду, в которой он взрастет и учится, оно дает ему те или иные политические симпатии и антипатии, заставляет любить одних и ненавидеть других. В конце концов, оно формирует человеческий характер, на который в дальнейшем будут «наназываться» привычки, традиции, знания и жизненный опыт. Характер редко меняется в дальнейшем, — правда, новая эпоха заставляет иногда принимать новые ценности, новые стереотипы, но крайне редко человек *осознанно* отказывается от «старого», — чаще его к этому вынуждают опять-таки

«обстоятельства времени». Таким образом, время играет двойную роль: оно вводит человека в конкретный «посюсторонний» мир, и оно же мешает ему выйти из этого мира, когда последний уходит в историческое небытие. Раздражение человека, воспитавшегося в одну эпоху и волею сверхличных обстоятельств попавшего в другую, можно объяснить именно этим фактом, который иначе как «трагическим» назвать трудно. Умный человек понимает всю несерьезность подобного раздражения, однако и он ничего с ним поделать не может. Смена эпох, «перевал сознания» тем и страшнее для современников, что очень часто они бывают захвачены этим процессом врасплох. Им кажется, что все гибнет и рушатся все святыни, что наступает всеобщая катастрофа. Эсхатологические предчувствия становятся серьезным самостоятельным фактором общественного сознания, зачастую даже направляя это последнее. Эсхатологические предчувствия в политике могут привести только к одному результату: реакции на все «поползновения» нового времени, с «духом» которого в таких обстоятельствах начинает вестись непримиримая и (самое главное) бесперспективная борьба. Смысл этой борьбы — в ней самой, реакция в данном случае есть ответ большого организма на предлагаемые ему лекарства — ведь никто не может поручиться за то, что удастся избежать летального исхода. Таким образом, очень часто «реакция» прошлого бывает адекватна натиску «нового» времени, которое в своем поступательном движении далеко не всегда безоговорочно справедливо и бескорыстно.

Изучая историю России второй половины XIX — начала XX столетий, мы невольно ловим себя на мысли, что эпоха императора Александра II — время «Великих реформ» — запоздала на многие годы, что хотя альтернативы преобразованиям тогда не было и быть не могло, преобразования послужили не только делу экономического подъема страны, но также способствовали углублению социальных (что закономерно) и — главное — нравственно-психологических противоречий в среде российского общества. Крепостное право было не только тормозом для экономики России, оно тормозило и развитие самого российского общества, с одной стороны, связывая его системой взаимной ответственности, с другой — унижительно подчиняя один класс другому. Отмена крепостной зависимости, таким образом, привела к разрушению старой, порочной «системы связей» общества, предоставляя этому обществу развиваться, как тому будет возможно. Данное обстоятельство, думается, нельзя недооценивать: ощущение «гибели красоты», наиболее ярко описанное К. Н. Леонтьевым, имеет своим истоком именно это обстоятель-

ство — «общество» не имело четких ориентиров в будущем и окончательно теряло прежние, давно устаревшие, но все-таки «имевшие место быть» в течение многих десятилетий российской действительности. И дело было не в том, что «прежнее» было лучше «настоящего» (хотя прежнее почти всегда воспринимается как лучшее). Дело было в том, что на вопрос, как остановить процесс «гибели красоты», практически реального ответа ни у кого не было. Эту мысль четко сформулировал Н. А. Бердяев, характеризуя философию К. Н. Леонтьева. По его словам, Леонтьев — «реакционер-романтик, который не верит в возможность остановить процесс разложения и гибели красоты. Он пессимист. Он многое остро чувствовал и предвидел». И далее: «если он ненавидит прогресс, либерализм, демократию, социализм, то исключительно потому, что все это ведет к царству мещанства, к серому земному раю» (*Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 102*). Именно за это Леонтьев и не любил современной ему Европы, именно поэтому он и оправдывал жестокость в политике и не допускал моральных оценок в отношении к жизни общества. Разумеется, взгляды Леонтьева разделялись далеко не всеми его современниками, однако в данном случае гораздо важнее то, что подобные суждения «имели право» на существование и выводились из реалий российской жизни того времени.

Люди, сформировавшиеся в первой половине XIX столетия, выросшие в атмосфере самодовольной самодостаточности николаевского царствования, столкнувшись с новыми реалиями новой России, вынуждены были пересматривать многие, казавшиеся ранее незыблемыми, жизненные правила и стереотипы.

Константину Петровичу Победоносцеву (1827—1907) в этом отношении было гораздо легче и проще, чем многим его современникам — в эпоху Николая I он не занимал никаких «ответственных» постов, к тому же и по своему происхождению (дед — священник, отец — профессор русской словесности Московского университета) не принадлежал к высшим классам империи. Типичный интеллигент — образованный (окончил Училище правоведения), знающий (владел как «мертвыми», так и «живыми» европейскими языками), наблюдательный, Победоносцев не был обременен тяжелым «грузом прошлого» — он не был «крепостником», не был связан старыми традициями русских бар, не имел «своего интереса» в реформировании государства Российского. Искреннее стремление помочь своей стране выйти из кризиса, решить старые большие проблемы, отложенные «в долгий ящик» при Николае, восстановить в правах гласность и

действие законов, — вот что занимало Победоносцева в первые годы после вступления на престол Александра II. Прослужив несколько лет в Московских департаментах Сената, Победоносцев в течение пяти лет (с 1860 по 1865 гг.) занимал кафедру гражданского права в университете, уже в молодости получив известность как выдающийся ученый-цивилист. Его курс гражданского права в течение многих десятилетий считался классическим трудом.

В 1859 году он посылает в Лондон — А. И. Герцену — свою работу о Министре юстиции графе В. Н. Панине, в которой не просто критикует графа как реакционного государственного деятеля и плохого профессионала, но также подвергает уничижающему разбору всю систему российского судопроизводства, попутно разбирая вопрос о гласности в судах, обуздании коррупции и самоуправства чиновников, рассматривая большую для России (как тогда, так и — увы — сейчас) проблему малокомпетентности государственных служащих и безответственности высших должностных лиц империи.

Трудно поверить (заранее зная будущее автора вышеназванной работы), что именно К. П. Победоносцев заявлял о *гласности* как об основном лекарстве, с помощью которого можно вылечить (или хотя бы попытаться вылечить) главные болезни российской бюрократии — малокомпетентность и безответственность. В самом деле, чем объясняется тот факт, что вскоре этот молодой (тридцатидвухлетний) цивилист *резко* изменит свои убеждения и станет критиковать то, что до этого считал жизненно необходимым для России? Разумеется, можно объяснить в двух словах подобное превращение тем, что Победоносцев в начале 1860-х гг. попал в царскую семью, став преподавателем Великих князей, в том числе и наследника престола — в 1865 г. скончавшегося — цесаревича Николая Александровича. Но объяснить *идеологическое и нравственное* превращения такого незаурядного, умного и тонкого человека, каким был Победоносцев, видимо, не вполне верно. Безусловно, возможность бывать при дворе и разговаривать с «сильными мира сего» повлияла (точнее сказать — не могла не повлиять) на изменение взглядов Победоносцева на власть. Однако проблема была не только в этом. Известно, что «радикализм» очень часто проходит с возрастом, тем более, если человек, ранее исповедывавший подобные взгляды, достигает определенных успехов в своей политической карьере. Кроме того, многому учит опыт. Один и тот же факт при этом может восприниматься разными людьми по-разному, даже «разводить» их, делая политическими противниками. Фактом, кардинальным образом повлиявшим на формирование «новых»

политических и нравственных даже взглядов К. П. Победоносцева, стал, по нашему мнению, апрельский выстрел Дмитрия Каракозова (1866 г.). Выстрел этот, по воспоминаниям современников, глубоко *огорчил* царя. (См., напр.: *Кони А. Ф. Избранное*. М., 1989. С. 85). Убеждение, что «свои» (т. е. русские) не могут стрелять в русского царя, было поколеблено. Если бы Дм. Каракозов был поляком или представителем какой-либо другой национальности, эффект от выстрела не стал бы таким удручающе большим. Впрочем, преувеличивать значение покушения в Летнем саду тоже не следует: оно могло только подтвердить опасения, которые к тому времени стали появляться у некоторых государственных деятелей, задумывавшихся над вопросом о соотношении проводимых реформ и платимой за эти реформы цены.

Сейчас невозможно представить, как в точности изменялись взгляды будущего «вице-императора» России, но вышеизложенное предположение может быть использовано в качестве одной из гипотез. Нельзя забывать также и того обстоятельства, что Победоносцев был очень привязан к наследнику престола, с которым в 1863 г. совершил путешествие по России и на которого возлагал большие надежды. Смерть Николая Александровича, вступление в права наследника второго — менее талантливого и подготовленного — сына императора Александра II — Александра Александровича, не могли не поставить перед Победоносцевым вопроса «о роли личности», о силе традиционных представлений о власти, о будущем России.

К тому времени Константин Петрович уже «вошел во власть». В 1865 г. его назначили членом консультации Министерства юстиции, он воочию увидел, возможно ли с помощью гласности искоренить малокомпетентность и безответственность высшего чиновничества. Кроме этого, гласность не живет без просвещения, в ином случае она становится лишь «гласом вопиющего в пустыне». В России же проблема просвещения — в широком смысле — перекрывалась более локальной, но не менее острой проблемой: абсолютное большинство российского населения было неграмотно. Для неграмотного же человека знание заменяется традицией, передающей из поколения в поколение самую важную и самую необходимую (с точки зрения такого человека) информацию. Любые кардинальные реформы ведут к разрушению традиционного уклада жизни, следовательно, разрушают и социально-психологические стереотипы, без которых общество существовать не может. И прежде всего — разрушается «народная вера», ибо именно она, а не что-либо другое, одухотворяет и осмысливает жизнь многих миллионов. Реформа, не обеспечен-

ная «просвещением», — не может быть полезной для страны. И при этом: какое просвещение России нужно, не приведет ли оно к разрушению фундамента самой российской государственности, и что в таком случае делать?.. «Что делать?» Победоносцев не знал, однако, что будет, если продолжить начатый в конце 1850-х гг. путь, — предполагал. Много лет спустя, на закате XIX столетия, Победоносцев на страницах своего знаменитого «Московского Сборника» сформулировал эту мысль следующим образом: «Как бы ни была громадна власть государственная, — писал он, — она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого на вере основанного сознания. Народ в единении с государством много может понести тягостей, много может уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не вправе требовать, одного не отдадут — того, в чем каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают основание духовного бытия своего и связывают себя с вечностью. Есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться, чтобы не возмутить коренных источников верования в душе у всех и каждого» (Московский Сборник. М., 1896. С. 1–2). Смеем предположить, что этот страх «возмутить коренные источники верования» и был главной причиной того, что Победоносцев постепенно пересматривает свои взгляды и становится ультраконсерватором. Кроме того, нельзя забывать и то обстоятельство, что Константин Петрович вырос в семье, своими корнями уходящей в православную почву, для него православие было не только «верой предков», как для многих «поповичей» — его современников. Он был искренне, глубоко верующим человеком. Парадокс заключался в другом: революционная по сути своей петровская реформа Православной Церкви начала XVIII столетия, приведшая к нарушению канонического строя церковного управления, воспринималась им как нормальное, более того, естественное явление, лишь укрепившее связи Церкви и государства. Победоносцев рассматривал так называемый «Синодальный период» как закономерное продолжение истории русской Церкви эпохи Московского царства, «забывая», что последнее было царством национальным и одноконфессиональным по преимуществу, а построенная Петром Великим Российская империя уже по самой своей основе была «обречена» на многонациональный состав и, соответственно, многоконфессиональность. В таких условиях самодержец переставал быть *только* православным царем, но вынуждался играть роль «отца» для всех народов, вне зависимости от их

религиозной принадлежности. Соответственно, хотя православие и играло в империи роль главенствующей веры, веры царской, но и все другие деноминации могли существовать в полной мере (запрещалось лишь распространение и пропаганда любой иной веры, кроме православной, так называемое «оказательство веры»).

Глубокий социально-психологический кризис второй половины XIX века, в котором находилась Россия, наложился на порочные в своей основе, по нашему мнению, взгляды К. П. Победоносцева относительно роли православия в многоконфессиональной империи и привел его к убеждению в невозможности и абсурдности любых действий, разрушающих религиозную (т. е. православную) опору власти. Он прекрасно видел, что русский мужик необразован даже религиозно, однако воспринимал это не как отрицательный факт российской действительности, а как большой плюс. В «Московском Сборнике» эта мысль была высказана им абсолютно открыто и прозвучала почти как издевательская насмешка образованного сноба: «Какое таинство религиозная жизнь народа такого как наш, оставленного самому себе, неученого! Спрашиваешь себя: откуда вытекает она? — и когда пытаешься дойти до источника, ничего не находишь. Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего, ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы» (Там же. С. 138). «Народ чует душой», — любил повторять Победоносцев. С каждым годом понимая, что Россия в любом случае не может стоять на месте, он все больше и больше внимания уделял сохранению традиции — «форме», очень часто (и сознательно) забывая о страдающем от такого перекоса «содержании». Патриархальность для него становится символом стабильности, а любые изменения — синонимом измены вековым идеалам и заветам предков. Подобное цельное мировоззрение ничуть не смущалось при этом петровскими преобразованиями, которые Победоносцев принимал и всячески поддерживал.

Не лишено смысла сравнение взглядов К. П. со взглядами и суждениями Константина Николаевича Леонтьева. Слова Бердяева о последнем — «в его мышлении есть что-то нерусское. Но тема о России и Европе для него основная. Он реакционер-ро-

мантик, который не верит в возможность остановить процесс разложения и гибели красоты» (*Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 102*), — можно с полным правом отнести и к Победоносцеву.

Страх, как известно, плохой советчик. А в политике — тем более. Трагедия Победоносцева, по нашему убеждению, и заключалась как раз в том, что страх с годами стал для него побудительным мотивом к тем или иным действиям, особенно когда он получил возможность влиять на принятие важных (и неважных — тоже) политических решений. В 1868 г. он был назначен сенатором, в 1872 г. — членом Государственного Совета и, наконец, в апреле 1880 г. — стал Обер-Прокурором Святейшего Правительствующего Синода, должность которого занимал в течение 25 лет (до 19 октября 1905 г.). События 1 марта 1881 г., повлекшие за собой изменение течения государственной политики России, вознесли Победоносцева на вершину власти: он был не только учителем законовещения императора Александра III, он был также *духовным наставником* этого российского самодержца — прямолинейного, желчного, далеко не глупого человека, волею судьбы ставшего верховным распорядителем жизни и судьбы миллионов россиян. К этому времени политическое и идеологическое *credo* Победоносцева определилось уже достаточно ясно. Он был не просто сторонником неограниченного самодержавия, — он был *бескорыстным* сторонником, идейным Дон-Кихотом, сражавшимся с открытым забралом против всего, что считал губительным для России — с «демократией», «парламентаризмом», «социализмом», «нигилизмом», «атеизмом» и проч. В этой открытой борьбе Победоносцев не гнушался, однако, любыми средствами, далеко не всегда чистыми и порядочными. Его блестящая диалектика была поставлена на службу критике всего, что могло разрушить или способствовать разрушению того «замороженного мира», который представляла собой Россия Александра III и о которой замечательно сказал поэт:

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...

(А. А. Блок)

Трудно определить грань, отделяющую Победоносцева-консерватора от Победоносцева-реакционера; также, пожалуй, трудно, как и определить «истоки» этой «реакционности». Однозначно отрицательную характеристику в российском либеральном лагере он получил только после событий, связанных с убийством Александра II и своей знаменитой речи в Государственном Сове-

те 8 марта 1881 года. Известно, что высшие сановники империи обсуждали тогда проект графа М. Т. Лорис-Меликова. Одобренный Александром II незадолго перед смертью, проект этот должен был ввести в России некое подобие «представительства». Активно поддерживаемый «либеральными» министрами Валуевым, Милютиным, Абазой, Великим Князем Константином Николаевичем, он встретил резкую критику со стороны Обер-Прокурора Святейшего Синода. Бледный как полотно, волнующийся, К. П. Победоносцев с первых же слов заявил о своем смущении и *отчаянии* от предполагавшихся шагов «к конституции», чем, по его мнению, и было приглашение «знающих», «выборных от народа» людей для разработки законодательных предложений. «Но разве те люди, которые явятся сюда, — продолжал Победоносцев, — для соображения законодательных проектов будут действительными выразителями мнения народного? Я уверен, что нет. Они будут выражать только личные свои взгляды». (См.: Заседание Государственного Совета 8 марта 1881 года // Былое. 1906. № 1. С. 197). Прерванный репликой Александра III: «Я думаю то же», Победоносцев заявил далее, что «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Народ наш, — продолжал он, — есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств, многому можно у него поучиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот цель, к достижению которой нужно стремиться, вот истинные задачи нового царствования». (Там же. С. 197–198).

Резко раскритиковав разного рода «говорильни» — земские и городские учреждения, судебные учреждения, печать, — Победоносцев полностью и, как оказалось, на долгие годы убедил царя оставить самодержавие без каких-либо изменений, укрепив его в мысли, что единение императора с народом может быть достигнуто *помимо* представительных (любого рода) учреждений. Критикуя же идею представительства, Обер-Прокурор акцентировал внимание прежде всего на том обстоятельстве, что «новую верховную говорильню» собираются учредить «*по иноземному образцу*». Именно столь ярко проявляемая нелюбовь к иноземным (т. е., собственно говоря, западным) государствам, живущим в рамках конституционного строя, и была тем «приводным ремнем», с помощью которого Победоносцев приводил в действие свои политические теории.

В течение четверти века эта критика «конституции — великой лжи нашего времени» — занимала внимание К. П., стремившегося оставить без изменения не только политическую систему империи, но и *неканоническую* систему управления русской Церковью, существовавшую со времен Петра Великого. Человек большого государственного ума, *нигилистического по природе*, отрицатель, критик, враг созидательного полета, боявшийся преобразований прежде всего «по чувству критики и отрицания», Победоносцев, по словам С. Ю. Витте, поэтому и «усилил до кульминационного пункта полицейский режим в Православной Церкви» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 260). Стремясь не менять «формы», Победоносцев часто закрывал глаза на отсутствие «содержания». В российских условиях, когда все явления общественной и политической жизни в той или иной степени были переплетены с вопросами религиозными, проблема, по мнению хорошо знавшего Обер-Прокурора неославянофила А. А. Киреева, ставилась следующим образом: сможет ли Православная Церковь в том состоянии, в каком она пребывала на тот момент, дать ответы на животрепещущие вопросы, которые задавала действительность. Старый генерал решал эту дилемму положительно («может»), однако ставил условием *значительное одухотворение* Церкви, на что Победоносцев, по словам Киреева, не решится (Дневник А. А. Киреева // РГБ. Ф. 126. Д. 13. Л. 192). Трудно согласиться с подобной постановкой вопроса: для К. П. проблемы «одухотворения» Церкви (т. е., по большому счету, ослабления государственной петли на ее шее) не существовало вовсе, так как положение православной конфессии в России признавалось им вполне нормальным, отвечающим национальным задачам страны. Его «реакционность» — прямое следствие страха перед революцией, с призраком которой он всю жизнь боролся. Видимо, этот страх и был той основой, фундаментом, на котором основывался его «нигилистический» (по выражению Витте) подход к вопросам «позитивного строительства».

«Александра II убили, — писал уже в конце 1906 г. генерал Киреев. — Понятно, что Александр III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну, 4 года повести Россию по *славянофильскому* либеральному пути, А<лександр> III продолжал затягивать поводья, давал машине задний ход. Его авторитет был еще довольно велик для того, чтобы государственное здание еще держалось, фасад стоял. Но с его смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики, нужно было стать *добровольно* на путь реформ в славянофильском духе, вышло обратное —

испуг — западная конституция [т. е. Манифест 17 октября 1905 г. — С. Ф.]» (Там же. Д. 14. Л. 184 об.).

Могло ли стать правительство Александра III, роль идеолога в котором играл глава ведомства православного исповедания, «через 2, 3, ну, 4 года» на славянофильский путь? Вопрос этот, по нашему убеждению, чисто риторический. Ведь именно *испуг*, внушенный самодержцу после печальных событий 1 марта 1881 года, и послужил причиной для того, чтобы «подтянуть поводья».

Испуг же, думается, был вызван глубоким неверием в потенции режима, в творческие силы страны таких ее идеологов, как Константин Петрович Победоносцев. Пессимизм и отсутствие ясно представляемых перспектив заставляли К. Победоносцева с искренним недоверием относиться ко всему, что могло изменить привычное течение жизни, разрушить «стародавние идеалы», привести к фундаментальной перестройке всего здания российской государственности. Его крылатое выражение «кто ноне не подлец» характеризует Победоносцева гораздо лучше, чем долгие рассуждения о его политических взглядах.

Сейчас трудно проследить корни политического цинизма Обер-Прокурора Св. Синода, тем не менее, ряд предположений высказать, видимо, можно.

Во-первых, Победоносцев был личностью исключительной, пробившейся наверх благодаря своим качествам и талантам прежде всего как ученого и уже затем — как царедворца. Среди «сильных мира сего» он был одним из тех немногих, кто во всем (поначалу, по крайней мере) мог рассчитывать исключительно на себя. Многие государственные мужи и придворные, его окружавшие, были на несколько порядков ниже его — и как профессионалы, и как политики. Все это не могло не повлиять на самооценку Победоносцева.

Во-вторых, Победоносцев прекрасно осознавал отсутствие единой, общей для всей Российской империи, консервативной *идеи*, которая бы объединила общество с целью достижения какого-либо сверхличного идеала. Старая, сформулированная еще С. С. Уваровым «триада» (самодержавие, православие, народность) не имела достойной замены. Ее обновлению и утверждению, собственно говоря, и служит «Московский Сборник», — выдающийся по эмоциональной силе труд К. П. Победоносцева, — в котором Обер-Прокурор с настойчивостью, достойной лучшего применения, не столько утверждает мысль о порочности современной ему западно-европейской культуры и государственного строя сравнительно с главными чертами национально-русских идеалов, сколько пытается доказать (видимо, и себе тоже)

правильность сохранения status' a quo во всех областях духовной жизни России.

Убежденный, что «все сгнило», Победоносцев своими действиями пытался отсрочить неизбежный конец «старого мира», который для него был уже тем хорош, что был «стар», «традиционен». «Я сознаю, — сказал однажды Николаю II (по воспоминаниям Великого князя Александра Михайловича) Победоносцев, — что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение ветра, и все рухнет» (*Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 147*). Другой раз, встретившись с Д. С. Мережковским (по поводу закрытия в 1903 г. Религиозно-философских собраний) Победоносцев произнес еще одну, не менее «красивую» фразу: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» (*Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 230–231*).

Такие суждения высказывались на самой вершине российской пирамиды власти и к ним прислушивались российские самодержцы — Александр III и (особенно) Николай II. При этом «ледяная пустыня» бурно развивалась экономически, и данный факт был такой же реалией российской действительности, не менее явной, чем «лихой человек» на ее бескрайних просторах. Проблема заключалась как раз в том, что «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь» (*Булгаков С., прот. Автобиографические записки. Париж, 1946. С. 80*). Выдающийся русский богослов, видимо, был недалек от истины. Проблема разобщенности этих двух важнейших элементов государственного бытия, по нашему убеждению, нуждается в серьезном исследовании. В любом случае, готового ответа на этот вопрос сегодня — увы! — не существует. В таких условиях страх Победоносцева перед возможным «возмущением коренных источников народного верования» и неумение сделать что-либо для предотвращения этого возмущения закономерно привели его к тому политическому цинизму и недопустимым с христианской точки зрения поступкам (например, жесточайшим гонениям на старообрядцев, притеснениям католиков), которые так возмущали многих его современников, видевших в Обер-Прокуроре «злой рок России», «Божью кару», «русского Торквемаду» и проч.

По мере того, как жизнь заставляла Россию идти все дальше по пути капитализма, т. е. по западному пути развития, Победоносцев все больше мрачнел и все яснее видел «грядущую катастрофу», воспринимаемую им как гибель старых порядков и принятие нового — европейского — образа жизни с конституцией,

этой «великой ложью нашего времени», во главе. Еще в октябре 1900 года в дневнике генерала А. А. Киреева появляется фраза, которую, якобы, сказал ему Обер-Прокурор Св. Синода: «идем на всех парах к конституции и ничего, никакого противовеса какой-либо мысли, какого-либо культурного принципа нет». (РО РГБ. Ф. 126. Д. 13. Л. 51 об). Четыре года спустя другой современник, хорошо знавший К. П. Победоносцева, А. В. Богданович, записала (со слов своего знакомого) аналогичную вышеприведенной фразу К. П. по поводу грядущих в стране беспорядков: «И доживем, и увидим все это очень скоро» (См.: *Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 309*). Подобных замечаний можно найти много. И самое, наверное, печальное в этом — то обстоятельство, что в конце концов все (и Победоносцев тоже) и дожили, и увидели «лихого человека»...

Однако революционные потрясения и предшествующее им «смятение умов» не повлияли на политические взгляды Победоносцева, которого П. Н. Милюков в своих воспоминаниях назвал даже одним «из тех, кто несет главную ответственность за крушение династии» (*Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 57*). Если согласиться с тезисом Милюкова, что *конституция* обеспечила бы монархии жизнь, то тогда, действительно, Победоносцева можно (впрочем, весьма условно) считать «главным» (или «одним из главных») виновником крушения самодержавия в России. Однако поддержать тезис лидера конституционных демократов мы, видимо, не сумеем — ведь не «тупое» стремление остановить «поток жизни» заставляло Победоносцева в течение всей своей государственной деятельности бороться за сохранение «чистого» самодержавия. Стремясь не допустить «реформ», Обер-Прокурор Св. Синода, думается нам, в глубине души, может быть, боясь себе признаться, и сам не верил в «прочность и незыблемость» самодержавия. Иными словами, не зная, *как надо*, К. П. призывал не менять *ничего* в системе управления огромной империей, в которой под влиянием экономической, социальной и общественной жизни, а также в результате роста революционного движения к началу XX столетия складывалась новая политическая обстановка. Она влияла на появление апокалиптических предчувствий у Победоносцева, который, однако, предложить взамен что-либо позитивное не мог. «Московский Сборник» в этой связи можно назвать своего рода собранием материалов «к очерку русской эсхатологии», в котором нашли свое отражение страхи и предчувствия старого Обер-Прокурора.

Эти страхи заставляли Победоносцева проводить в Церкви свою «политику», сущность которой генерал Киреев определил как поддержание такого положения, когда духовенство не выделя-

ется «образованием и ученостью», а коснеет «в формализме и суеверии, дабы не отделяться от народа» (Дневник А. А. Киреева. Д. 13. Л. 114 об.). Попытка опереться на «благочестивого мужика», в жизни которого традиция играла определяющую роль, можно считать своего рода политическим credo К. П. Победоносцева.

Исходя из задачи сохранения такого «мужика», К. П. относился и к своим обязанностям Обер-Прокурора Святейшего Синода как к обязанностям *охранительным*. Уяснив это обстоятельство, можно объяснить политику Победоносцева в вопросе насаждения церковно-приходских школ, где акцент делался не на обучении, а на *воспитании* крестьянских детей в духе традиционного православия. Эту мысль К. Победоносцев пытался внушить как императору Александру III, так и его сыну — Николаю II, убеждая, например, последнего (в конце 1902 г.), что «со всех сторон испорченные и безумные люди стараются поселить в народе разврат мысли и развить в невежественной массе [курсив наш. — С. Ф.] неудовольствие против власти», противодействием чему и служила, по его убеждению, церковно-приходская школа. (Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II (1898—1905) // Религии мира. История и современность. М., 1983. С. 185). Отношение к духовенству у Победоносцева также было связано с задачей «не испортить» народ. Помимо этого, Обер-Прокурор Св. Синода не верил в возможность религиозного «обращения» образованной части русского общества (что для него лишний раз продемонстрировали Религиозно-философские собрания 1901—1903 гг.). Нежелание (или невозможность?) отказать от ранее усвоенных догм и сочетание этого догматизма со скептицизмом по отношению ко всему остальному делали политику Победоносцева в отношении Православной Церкви не только консервативной, не отвечающей «духу времени», но и опасной для самой Церкви, вынужденной во всем следовать указаниям своего ментора. Пессимизм Победоносцева сказывался в том, что он не верил и в потенции Православной Церкви, при этом открыто заявляя, что «никакой Вселенской Церкви первого тысячелетия не существует! Есть наша Церковь и есть Р[имско]-Католическая» (Дневник А. А. Киреева. Д. 13. Л. 155—155 об.). «Для нашего мужика форма все, — заявлял он Кирееву. — Вы говорите об ученых, о догмате, об учености. Вам хорошо, а куда мы-то денемся с нашей-то темнотой, с мужиком. Я боюсь раскола, вот чего я боюсь!» (Там же. Л. 155 об.—156).

Откровеннее не скажешь. Победоносцев боится изменений в Церкви из-за того, что эти изменения при «темном мужике» могут привести к расколу, и боится образовывать мужика, т. к.

думает, что такое «образование» приведет лишь к разрушению «традиции» и, следовательно, к катастрофе, гибели «старого мира». Получался заколдованный круг, из которого К. П. и не желал выходить, предпочитая сохранять «хотя бы то, что возможно».

Его любовь к «старине», «древним традициям», впрочем, была весьма своеобразной. Воспитанный по-европейски, на традициях римского права, Победоносцев в течение всей своей жизни оставался почитателем Петра I построившего империю на расколотом основании, уничтожившего однородность русской культуры и купившего плоды европейской цивилизации «ценой отступничества от священных традиций русского Православия». (Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С. 23). Это, идущее со времен Петра, разделение общества на образованную немногочисленную, в большинстве своем неверующую (или придерживающуюся агностицизма) часть, — и большинство необразованного («некультурного») населения, Победоносцев в течение всех двадцати пяти лет своего верховенства в Российской Церкви и *не старался преодолеть*, считая главной своей задачей не допустить проникновения «тлетворных влияний» в народ. Более того, Церковь должна была, по убеждению Обер-Прокурора, прежде всего стоять «на стороне» народной «девственности», не допуская в его (народа) среду «духа сомнения» и «вольнодумства». При этом Победоносцев руководствовался не славянофильскими идеалами, а сугубо государственными соображениями — любимыми средствами остановить поток и сохранить самодержавие в неприкосновенности. «Печальное будет время, — если наступит оно когда-нибудь, — писал Победоносцев, — когда водворится проповедываемый ныне культ человечества. Личность человеческая не много будет в нем значить; снимутся и те, какие существуют теперь, нравственные преграды насилия и самовластию. Во имя доктрины, для достижения воображаемых целей к усовершенствованию *породы*, будут приноситься в жертву самые священные интересы личной свободы, без всякого зазрения совести; о совести, впрочем, и помина не будет при воззрении, отрицающем самую идею совести. Наши реформаторы, воспитавшись сами в кругу тех представлений, понятий и ощущений, которые отрицают, не в состоянии представить себе ту страшную пустоту, которую окажет нравственный мир, когда эти понятия будут из него изгнаны» (Московский Сборник. С. 177–178). Победоносцев рисовал здесь очевидные, по его мнению, *последствия самовластия*, давая понять, что для него самовластие — не синоним самодержавия, а, наоборот, отрицание его. Самодержавие же воспринималось

Обер-Прокурором как освященная Богом *традиционная* и отвечающая национальному складу русского человека власть. Она может быть хороша или плоха, но она *освящена* и поэтому истинна. Победоносцев был убежден также в том, что без самодержавной власти погибнет и Православная Церковь. В революционном (и для Церкви) 1905 году, в письме Николаю II от 2 марта, К. П. особо подчеркивал правильность петровской церковной реформы, учреждением Св. Синода закрепившей и упрочившей *связь Церкви с государством*. Охранять основы данного церковного устройства, считал он, было необходимо для блага России. (Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II. С. 185).

Столкнувшись с «молчаливой оппозицией» иерархов — членов Синода, получивших в начале 1905 года возможность сказать слово о неканоничности русского церковного устройства, Победоносцев откровенно излагает перед царем свои взгляды на реформу Петра с целью доказать то обстоятельство, что радикальных церковных преобразований проводить не надо, так как они могут повлечь за собой даже отделение Церкви от государства. Отделение же это было бы одинаково губительно и для Церкви, и для государства. «От древнего времени и древнего устройства общественного, — писал Победоносцев царю, — мы ушли далеко и не можем вернуться в XVII столетие». В последние его годы, годы смуты, боярских, дворянских и церковных интриг *из-за преобразования* [страны — С. Ф.], дошло до того, что и *власти церковные раскололись с государством* [курсив наш. — С. Ф.]. Петр, приступив к преобразованию всего государственного строя, видел, что так дальше идти не может дело при новых порядках, и учреждением Синода закрепил и упрочил *связь Церкви с государством*. (Там же. С. 184–185).

Удивительно, что Победоносцев в восстановлении канонического устройства русской Церкви видел шаг назад — в XVII столетие, а не преодоление ошибок великого преобразователя России, допущенных им в области церковного строительства. К. Победоносцев искренно не доверял православным архиереям, считая, что они стремятся к власти в Церкви *помимо* Обер-Прокурора, должность которого в случае реформирования главной конфессии империи, по существу, стала бы чисто номинальной. Победоносцев был убежден, что именно благодаря Обер-Прокурору в Св. Синоде «мир», «но ведь дружбы нет между нашими архиереями, и когда Обер-Прокурора не будет, они станут изводить друг друга наветами, интригами и враждою» (Там же. С. 186).

Глава ведомства православного исповедания по-своему был прав. Действительно, дело было не в восстановлении «декору-ма» — учреждении патриаршества, а в укреплении Церкви, по-

вышении ее авторитета в новых условиях. «Только продолжительной борьбой с самим собою, продолжительной работой над собою изменится наше общество. То же и с Церковью, ведь Церковь — это тоже *мы*», — писал генерал Киреев (Дневник А. А. Киреева. Д. 14. Л. 25 об.—26). Аналогичные мысли в свое время в «Московском Сборнике» высказывал и Победоносцев. Впрочем, между его взглядами и убеждениями старого генерала-неославянофила было одно большое различие: Киреев считал *принципиально необходимым* внутреннее обновление Церкви, Победоносцев же просто не желал видеть этой необходимости, полагая, что можно говорить лишь о *частных* изменениях. Действительно, Всероссийский Собор Русской Церкви (в случае его созыва) не мог стать панацеей от всех бед, т. к. государство не собиралось менять свои православные приоритеты на безликую религиозную толерантность. Вопрос заключался в том, как, не разрывая «симфонического» существования духовной и светской властей, «дать» Церкви внутреннюю свободу. Ответа на него, как нам кажется, не имел никто. Поэтому, говоря о свободе Православной Церкви, представители церковной общественности подразумевали прежде всего ее *организационную независимость* при сохранении прежнего «главенствующего» положения Церкви в империи. С другой стороны, являясь частью государственной машины, особым «ведомством», Православная Российская Церковь и воспринималась часто весьма «формально»: представители «простого народа» в своих прошениях нередко смешивали Синод и Сенат, не понимая различия между ними; так называемые «образованные слои» российского общества видели, что Синод управлял Церковью лишь фиктивно, по указке светской власти (См., напр.: Там же. Л. 27–27 об.).

Неудивительно поэтому слова знавшего проблемы Церкви современника о том, что «9 января [1905 г. — С. Ф.] да и вообще все последние события заставили нас [православных. — С. Ф.] очнуться и спросить: “где же духовная власть?” (не в строгом, а моральном смысле), “где священнический авторитет?”, “где пастырское слово?”» (Розанов В. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. СПб., МСМХ. С. 58). «Симфоническая» связь Церкви с государством, видимо, и была тем «камнем», который преграждал «пастырскому слову» путь к пастве. Впрочем, долгие десятилетия подобного «союза» не могли не сказаться и на самостоятельности суждений русского духовенства, не имевшего *своего* «слова».

Поэтому представляется совершенно оправданным высказывание К. П. Победоносцева, относящееся к весне 1905 г., что «учреждение патриаршества» внесло бы в народную жизнь ве-

личайшую и опаснейшую *церковную смуту* (Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II. С. 188). В российских условиях (особенно в революционном 1905 году) реформирование Церкви объективно вело к ее (Церкви) ослаблению, так как, в принципе, восстановление сильной патриаршей власти могло произойти лишь при условии отказа государства от идеи «симфонии властей» и принятия закона о свободе совести. В любом ином случае Патриарх и возглавляемое им православное церковное Управление становились бы «декорациями», а церковные реформы не имели бы никакого *практического* смысла, — ведь сама идеология «церковного государства» встала бы на пути их претворения в жизнь. (В случае нередкого расхождения целей и задач государства и Церкви.) Кроме того, в случае принятия закона о свободе совести — в условиях равенства всех религиозных конфессий перед законом — «симфония» не имела бы уже никакого права на существование в многоконфессиональной Российской империи. В таких условиях вероятной становилась возможность для Церкви, ранее являвшейся «главенствующей», давать свою моральную санкцию далеко не на все действия государства, а в некоторых случаях даже и выступать против тех или иных его решений.

Ликвидация «симфонии властей» означала бы подрыв того «идеологического» базиса, на котором была основана империя. Отделение Церкви от государства вело, таким образом, к разрушению религиозной опоры власти.

Это, как нам кажется, и заставляло Константина Петровича Победоносцева столь яростно противиться проведению преобразований в Церкви. Не представляя себе, *как* изменить положение Церкви, он пришел к выводу, что лучше всего *и здесь* ничего не менять — раз прошло (со времен петровских изменений) уже 200 лет, значит, «все устоялось», стало «традиционным». А традицию, считал Победоносцев, ломать нельзя. Разумеется, он не мог не знать, что Петр I создал *неканоническое* церковное управление, однако полагал, что время исправило все основные дефекты, менять же «основание» — просто невозможно, т. к. Петр лишь *укрепил* связи «Царства и Церкви». И в этом случае глубокое неверие в творческие силы — уже Церкви — заставляло Победоносцева со страхом и трепетом вглядываться в будущее, ожидать лишь великих потрясений и катастроф. И хотя логика его была безупречна, — *при той* «симфонии властей» реформа Православной Церкви объективно вела к подрыву религиозного основания государства, — ничего не предпринимать, лишь «ждать своего часа», тоже было нельзя... Остановить «поток» Победоносцев не мог. «Его время» закончилось вместе с

приходом революции, что делало предчувствия К. П. еще более понятными и даже зловещими, однако никак не помогало (и, наверное, не могло помочь) преодолеть «Смуту», «найти выход» и «обрести покой». Увы!..

У него не было своей политической системы, — вся его «система» заключалась лишь в том, что:

Он дивным кругом очертил
 Россию, заглянув ей в очи
 Стеклянным взором колдуна.

Расколдованная страна — реальная, а не желаемое Победоносцеву (и не только ему) Зазеркалье, — не нуждалась более в чародее, который пережил себя на полтора года.

Мы не вправе сегодня критиковать Победоносцева за то, что Россия под его «волшебный ладан» заспала «надежды, думы, страсти». Он одним из первых понял, что кризис не есть только экономическое и социальное понятие, что он включает в себя и трудноразрешимые проблемы нравственно-психологического плана. Своеобразие рецептов Победоносцева в том, что, если не знать, «как надо», то лучше всего найти ответ на вопрос: «что не надо». Его «реакционность» — результат страха перед будущим, в котором он не видел радостной (положительной) перспективы. Будучи умным человеком и блестящим диалектиком, К. П. Победоносцев не мог не понимать, что его политическая деятельность малоэффективна и ни к чему позитивному привести не может. Этот «русский Мефистофель», видимо, потому и был столь циничен и — по большому счету — равнодушен к изменяющемуся вокруг него миру, что не верил в его творческий потенциал, был убежден в неизбежном его крахе.

Трагедия К. П. Победоносцева может быть названа и трагедией русской консервативной мысли, не нашедшей ответа на вопрос «что делать?» в водовороте событий стремительно менявшейся России.

*
 * *

Предлагаемая вниманию читателя антология «К. П. Победоносцев: pro et contra» имеет целью ознакомить его как с работами самого Константина Петровича, по которым можно ясно видеть меняющиеся с течением времени его взгляды по ряду принципиальных мировоззренческих позиций, так и работы его современников, а также последующих исследователей, посвященные оценке личности знаменитого Обер-Прокурора и анализу его литературных и философских произведений.

Антология открывается вышедшим в Лондоне (1859 г.) у А. И. Герцена в VI-й книжке «Голосов из России» памфлетом Победоносцева «Граф В. Н. Панин. Министр юстиции», в котором молодой цивилист высказывает не только свое отношение к одному из самых высокопоставленных сановников империи, но и критикует многие традиции и привычки русского чиновничества, выступает горячим поборником «гласности». Помещенный вслед за «Графом В. Н. Паниным» «Московский Сборник» (1896 г.) можно считать книгой, направленной против многих положений и выводов «Панина». Победоносцев «Московского Сборника» — это уже совсем другой человек, разочаровавшийся в людях (и, может быть, в себе) скептик и циник. Из скромного чиновника Московского департамента Сената к концу XIX столетия К. П. превратился во влиятельнейшего и облеченного доверием монарха государственного мужа. С другой высоты он смотрит на историю России и на ее «сегодняшний» день, по-иному, чем в молодости, оценивая возможности ее переустройства.

Если первую из названных нами книг можно (достаточно условно) считать критикой самодержавной бюрократии, то вторая являет собой апологетику самого принципа самодержавной власти, не допускающую и мысли о том, что какие-то «демократические институты» могут принести больше пользы стране, чем власть неограниченная и просвещенная. Гимн традиции и «старине глубокой» получил отражение в самом названии сборника, сознательно названного «Московским».

Во второй части антологии помещены отрывки из воспоминаний о Победоносцеве-профессоре (А. Ф. Кони) и о Победоносцеве-администраторе (Е. М. Феоктистова). Несмотря на то, что о Константине Петровиче много писали его современники — в своих дневниках, письмах, даже эпиграммах, — полновесных воспоминаний о нем почти не осталось. Поэтому, составляя настоящую книгу, мы столкнулись с проблемой предпочтительности тех или иных материалов. Прежде всего, представлялось целесообразным помещать материалы, составленные именно современниками Победоносцева — не только лично знавшими его, но также и теми, кто жил в ту эпоху. Такие работы не беспристрастны, но в этом заключается их ценность в контексте самого замысла серии «Русский путь». Читатель имеет возможность посмотреть на человека глазами как его непримиримых идейных противников, так и лиц, симпатизировавших ему, разделявших его взгляды, и тем самым попытаться понять то непростое время, «грань» не только веков, но и эпох, «перевал сознания», увидеть в судьбе и противоречиях К. П. Победоносцева судьбу и

противоречия российской цивилизации. После отрывков из воспоминаний были помещены эпиграммы на Победоносцева, принадлежащие перу Вл. С. Соловьева, а также стихотворные пародии на Обер-Прокурора, написанные в конце XIX — начале XX столетий.

Статья Н. А. Бердяева «Нигилизм на религиозной почве» и отрывок из его работы «Истоки и смысл русского коммунизма», условно названный «Победоносцев и Ленин», являются уже попыткой осмыслить деятельность этого человека, по возможности избегая излишней эмоциональности. Следующие затем статьи В. В. Розанова («Скептический ум» и «Гамлет в роли администратора») также служат этой цели, хотя тонкий разбор Победоносцева уже по одному тому, что его делал Василий Васильевич Розанов, «по определению» не может быть не эмоциональным.

Публицистическая статья известного православного священника, с которого в 1907 г. за политическую деятельность был снят сан, — Григория Спиридоновича Петрова, — незнакома широкой читательской публике. Увидевшая свет более 80 лет назад в газете «Русское слово», она с тех пор не переиздавалась. Статья Петрова явилась тогда своего рода «знамением времени»: не называя Победоносцева по имени, эзоповым языком, понятным, однако, для всех «умеющих слышать», *священник русской Церкви* резко и жестко критиковал Обер-Прокурора Св. Синода *в легальной прессе*, открыто называя «великого инквизитора нашего времени» — «великим душегубом и грешником». Для нас в данном случае огромный интерес представляет тот факт, что Победоносцев в конце своего управления ведомством православного исповедания критиковался уже и представителями главной религиозной конфессии страны. И эта критика *проходила*, более того, даже встречала поддержку в среде образованного российского общества — и не только у «либералов», но и в некоторых консервативных кругах.

Следующая публикация — две статьи, вышедшие в 1907 г. одной книгой и принадлежащие перу известных тогда публицистов — А. Амфитеатрова и Е. Аничкова, — их непримиримый тон, максимализм, неприкрытая ненависть ко всему, что связано с именем и деятельностью К. П. Победоносцева, производят сегодня не то впечатление, на которое рассчитывали авторы, подготавливая почти 80 лет назад свою брошюру к печати. Их мнение отражает взгляды левого крыла российского образованного общества и уже этим интересно (недаром Амфитеатров называл себя «незаписным эсэром»).

Публикация Б. В. Никольского — «русского правого», — помещенная далее в настоящей антологии, посвящена обзору ли-

тературной деятельности Обер-Прокурора Св. Синода. Стремясь к максимальной объективности, Никольский воссоздает портрет Победоносцева-литератора, не сумев, впрочем, до конца освободиться от апологетического отношения к этому «философствующему министру».

Материалы историка и публициста Б. Б. Глинского, помещенные вслед за работой Никольского, имеют для нас ценность прежде всего потому, что автор сумел собрать воедино достаточно большую подборку воспоминаний и суждений о Победоносцеве и опубликовал ее вскоре после смерти последнего (в 1907 г.), когда имя и дела этого государственного мужа воспринимались очень живо, а для самого Обер-Прокурора Св. Синода «историческая давность» еще не успела наступить.

Некролог — анализ церковной деятельности К. П. Победоносцева на страницах «Церковного вестника» — завершает этот раздел антологии.

И наконец, в последнем разделе книги помещены материалы ученых-историков — Н. Н. Фирсова и Ю. В. Готье, а также богослова протоиерея Георгия Флоровского, в которых исследуется как сама личность Обер-Прокурора, так и причины, постепенно приведшие его на вершину власти и сделавшие главным советником — на долгие годы — Великого князя, а после 1 марта 1881 года — императора Александра III и его сына — Николая II; а также изучается влияние Победоносцева на русскую Церковь, которой он руководил в течение четверти века.

Давая эти материалы, мы хотели прежде всего предоставить читателю «информацию к размышлению», избегая — в соответствии с концепцией серии «Русский путь» — навязывания тех или иных стереотипов как в отношении самого Константина Петровича Победоносцева, так и в отношении времени, в котором он жил и работал.

В 1997 г. исполнится 170 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти этого замечательного человека, ставшего одной из самых значительных и характерных фигур русской истории XIX — начала XX века, по-своему уникально и неповторимо выразившего типические тем не менее черты и противоречия русской культуры на рубеже эпох. Думается, по прошествии стольких десятилетий со дня его кончины «трудно быть злопамятным на таком расстоянии». По крайней мере, смеем надеяться на это...